

страны, с одной стороны, и всей Галлией с соседними племенами, с другой. Завоевание Британии и отдельные стычки между галльскими и германскими племенами едва ли могли иметь в данном случае сколько-нибудь серьезное значение.

Выше отмечалось, что в надписях встречается наряду с другими терминами, обозначающими рабов, термин *veгнае*, и притом сравнительно часто. Этот факт позволяет предположить, что по крайней мере частично пополнение контингента рабов происходило за счет рабов, выращиваемых в доме господина. Надписи указывают также, что рабы в Галлию поступали в результате работорговли. Так, например, в Немавзе встречаемся с работорговцами *venaliciarius graecus* (CIL, XII, 3349), в Бурдигале, в одном из городов Великой Галлии — с *negotiator scaenicus* (CIL, XIII, 642); в Арелате — с *negotiator familiae gladiatoriae* (CIL, XII, 727). В надписях встречается обозначение рабов «*graeci*» (CIL, XII, 3323), что указывает на их происхождение из восточных провинций. В качестве одного из пунктов работорговли Страбон называет Аквилею в Цизальпинской Галлии (Strab., V, 1, 8). Две надписи упоминают работорговцев — *tango* — из Кельна (CIL, XIII, 8348) и из Швейцарии в районе Сен-Бернара¹. Это позволяет предположить, что рабы доставлялись также с севера.

Таким образом, исследование эпиграфических данных о рабовладении в Галлии позволяет сделать следующие выводы. Рабовладельческие отношения в Галлии после завоевания ее Римом получили свое дальнейшее развитие. Об этом говорит разнообразная терминология, обозначающая рабов в Галлии, факты работорговли в Галлии и, наконец, развитие института вольноотпущенничества. Развитию рабовладельческих отношений в римской Галлии способствовал как рост производительных сил галльских племен, находившихся накануне римского завоевания в стадии разложения общинно-родовых отношений, так и римская политика распространения муниципального строя в завоеванной Галлии. О том, что галльское рабовладение развивалось под значительным влиянием римско-италийских рабовладельческих отношений, говорят прежде всего специфические для римско-италийского рабовладения термины, обозначающие рабов муниципальных, храмовых и других категорий.

Сохранение и в римское время кельтской формы зависимости, восходящей к до-римскому времени, сравнительно частое упоминание в наличном количестве надписей рабов *veгнае*, а также развитие вольноотпущенничества и колоната, при учете сравнительно позднего перехода галльских племен к рабовладельческому строю, служат основанием для предположения, что рабовладение в Галлии не достигло классических форм римско-италийского рабовладения. Рабовладение в Галлии развивалось в условиях, когда в Римской империи начали обнаруживаться симптомы кризиса рабовладельческих отношений, рабовладельческого способа производства в целом. Это не могло не отразиться на общем характере и степени развития рабовладения в Галлии.

Н. Н. Белова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

1948—1953 гг.

Работы чешских археологов давно пользуются заслуженной известностью, благодаря важности открытий и тщательности наблюдений, но только народно-демократический режим предоставил археологам невиданные доселе возможности в организации исследовательской деятельности. Размеры полевых исследований за последние годы неизмеримо выросли, как по открываемой площади, так и по тематике, охватив новые, мало исследованные территории. Большую роль в этом играют огромный размах про-

¹ См. H o w a l d, Schweiz in römischer Zeit, № 82.

мышленного и жилищного строительства и индустриализация земледелия, так как работа экскаваторов, глубокая пахота тракторами зачастую обнаруживают новые археологические объекты и требуют немедленного их исследования. Однако новое в деятельности чехословацких археологов заключается не только в объеме работы. Если целью буржуазной археологии были главным образом находки памятников и их классификация, то теперь чехословацкие археологи отошли от буржуазного объективизма и формализма и стали на путь марксистской методологии. За предметами материальной культуры и за сменами различных культур они прослеживают ход исторического процесса. Развитие отдельных археологических культур, их взаимные связи и соотношения, проблема этногенеза и развития чешского и словацкого народов — вот вопросы, которые стремятся разрешить чехословацкие археологи своей научно-исследовательской работой.

Исследовательская работа по археологии сосредоточена в Государственном археологическом институте в Праге, а также в археологических институтах в Братиславе, Брно и Нитре. В Чехословакии в настоящее время плодотворно работают археологи — акад. Я. Бем, проф. Я. Филип, проф. И. Поулик и многие другие. Научная школа, созданная крупнейшим чешским славистом Любором Нидерле, ведет успешное исследование славянских древностей на территории Чехословакии. Для информации более широкой общественности и привлечения интереса и внимания к археологическим объектам ежегодно в Праге и других городах проводится цикл лекций и докладов с демонстрацией диапозитивов и кинофильмов о наиболее интересных и важных исследованиях. Научные исследования, анализ археологических материалов и критические рецензии публикуются в специальных журналах: «Obzor prehistorický» и «Památky archeologické». С 1949 г. Государственный археологический институт издает особый орган, информирующий круги специалистов и широкую общественность об археологических открытиях и исследованиях, — «Archeologické rozhledy». На основании публикаций на страницах этого журнала автор настоящей статьи предполагает ознакомить советских читателей с важнейшими открытиями чешских археологов в 1948—1953 гг. в области изучения прошлого своей страны, от палеолита до V в. нашей эры.

*

В результате внимательного исследования памятников палеолита удалось доказать, что территория Чехословакии была заселена уже в эпоху древнейшего палеолита. Это подтверждается находкой в 1944 г. недалеко от Праги кремневого орудия так называемой скелотой техники клэктонского характера и следов очага с древесным углем, относящихся, по определению Прошека, ко второй межледниковой эпохе. К единичным находкам, свидетельствующим о пребывании человека на территории Чехословакии в эпоху последнего межледниковья, относит Е. Влчек окаменелость человеческого черепа, найденную в 1926 г. недалеко от Гановца в Словакии, подробное изучение которой началось с 1948 г.¹ Детальный разбор как общего вида черепа, так и отдельных его частей, сопоставление с черепом питекантропа, неандертальца и *homo sapiens* показали, что найденный череп принадлежит к неандерталлоидному типу.

Следы пребывания людей в эпоху древнего палеолита найдены также в южной Чехии². Раскопки пещеры в одной из каменоломен округа Бероуна, проведенные в 1951 г., вскрыли несколько напластований, в одном из которых были найдены вместе с костями животных также кости человека и каменные орудия. Исследование человеческих костей показало, что они принадлежат к форме *homo sapiens fossilis*, который, однако, имел еще черты примитивизма. И костные остатки человека и каменные орудия относятся к периоду позднего палеолита.

Мировую известность в свое время приобрели археологические памятники палео-

¹ См. ARoz, 1949, № 4, стр. 156—160.

² См. E. Vlček, ARoz, 1952, № 3—4, стр. 209—213.

литических стоянок в южной Моравии — у селений Пржедмости, Дольни Вестонице и в пещерах Моравского краса. Но большинство из них погибло при немецко-фашистской оккупации Чехословакии. Поэтому большое значение имели возобновившиеся в 1948 г. раскопки палеолитической стоянки охотников на мамонтов у Дольних Вестониц¹, существовавшей более 30 000 лет тому назад. Разведка общей площади стоянки показала, что вестоницкая стоянка состоит из многих населенных объектов с очагами в центре; на окраинах этих населенных площадок расположены ямы с нагромождением костей животных, главным образом мамонтов. Были найдены также предметы первобытного искусства и украшения: гравюра человеческого лица на дощечке из мамонтовой кости, свисток из кости, бусы из просверленных раковин и большое количество глиняных слепков, представляющих собой заготовки для фигурок людей и животных. При продолжении раскопок в 1949 г.² на краю разведанной ранее стоянки было открыто женское погребение. Ритуал вестоницкого погребения — скорченное положение костяка, окраска красным цветом, прикрытие могилы лопатками мамонта — подобен ритуалу других погребений моравских стоянок, открытых ранее в гор. Брно и в Пржедмости, и свидетельствует о единстве материальной и духовной культуры и общественного строя населения Моравской долины эпохи палеолита. Большим успехом раскопок 1949 г. явилось открытие впервые в Вестоницах палеолитического жилища, представляющего собой небольшую впадину неправильной овальной формы, размером 15×10 м, с очагом посредине, окруженную навалом крупных камней с известковой крошкой между ними. Кровлей хижины, очевидно, служили шкуры, натянутые на столбах, укрепленных в камнях. Раскопками последующих лет³ удалось открыть еще одного жилища, по хорошо сохранившимся остаткам которого можно выяснить конструкцию перекрытия хижины и характер строительного материала, использованного для крыши (дерево, хворост, возможно шкуры). Внутри хижины обнаружен очаг с подом из затвердевшего настила каменной крошки и глины, носящий следы сильного обжига. В зольном слое очага и вокруг него найдено более 2200 комочков глины, являвшихся, видимо, сырьем или заготовками для керамических фигурок. Найдено также большое количество недоконченных фигурок, главным образом изображающих животных. Судя по всем данным, этот очаг представляет собой древнейшую керамическую печь, а жилище является мастерской древнего скульптора, или, как его называли чешские археологи, «хатой шамана». Все данные раскопок в Дольних Вестоницах, особенно эта последняя находка, свидетельствуют о довольно высокой общественной организации коллектива так называемых «охотников на мамонтов».

Раскопки у Ражиц в районе гор. Писека являются первыми, проводившимися в широких размерах, систематическими раскопками поселения мезолитического периода. Здесь в 1949 г.⁴ была открыта целая мастерская кремневых орудий. Среди найденных в мастерской и возле нее кремневых орудий преобладают ножевидные типы — ножи с ретушированным лезвием, некоторые из них с обозначенным черенком, ножевидные скребки с веерообразной ретушью, ножи с клювообразно загнутыми наконечниками и другие виды. В 1951 г. возле мастерской был найден клад из кремневых орудий в количестве 31 предмета⁵. Здесь же были открыты следы жилища, еще несколько таких же мастерских и множество кремневых орудий в разных стадиях процесса обработки. По формам орудий, наличию позднепалеолитических типов, по общей тенденции к микролитичности и отсутствию геометрических форм исследователь ражицкой стоянки д-р Мазалеk относит ее к тарденуазскому периоду, раннему мезолиту. Раскопки 1951 г. позволили установить, что ражицкая стоянка была населена также в период позднего палеолита, в эпоху мадлен. В месте находки в 1951 г. так называемой мадленской индустрии рас-

¹ См. В. К l i m а, ARoz, 1949, № 1—2, стр. 15—25.

² См. о н ж е, ARoz, 1950, № 1-2, стр. 32—36.

³ См. о н ж е, ARoz, 1952, № 3-4, стр. 193—197.

⁴ См. В. D u b s k y, ARoz, 1950, № 1—2, стр. 36—40.

⁵ См. М. М а з а л е k, ARoz, 1951, № 1, стр. 6—11.

копками 1952 г. были обнаружены следы жилища — продолговатое овальное пространство, на обоих концах длинной оси которого были остатки пяти деревянных столбов и две ямки по сторонам короткой оси. Жилище с деревянными конструкциями является первым найденным объектом мадленской культуры на территории Чехословакии. Число находок каменной индустрии достигает 4000 — это ядра, полуфабрикаты, готовые орудия, обломки, камни для нагрева, минеральные краски и т. п. Ражицкая стоянка дает интересный материал для изучения взаимоотношений между культурами палеолита и мезолита.

Из памятников культуры эпохи неолита большой интерес представляет поселение с так называемой волютовой керамикой в Чехии недалеко от Постолюпц¹, где были найдены два больших столбовых жилища.

Обитатели этого поселения занимались примитивным земледелием. Было найдено также жилище эпохи позднего неолита (2200—2000 лет до н. э.), внутреннюю конструкцию которого удалось восстановить. Это хата длиной 34 м и шириной 9—12 м, разделывшаяся на сени и жилое помещение, которое, в свою очередь, делилось на части четырьмя печами. Неолитическое жилище представляет аналогию нашим трипольским поселениям и свидетельствует об одинаковом общественном развитии.

Из памятников энеолита и ранней бронзы следует прежде всего упомянуть о новых находках так называемой культуры «колоколообразных чаш». Название этой культуры происходит от своеобразной керамики в форме опрокинутого колокола с выгравированными узорами, иногда инкрустированными белой краской. Следы этой культуры находят в средней и северной Чехии и в Моравии. По определению чешских археологов и историков², племена, оставившие эту керамику, пришли в Чехию с юго-запада и принесли оттуда медные и бронзовые изделия. Они занимались пастушеством и охотой. В 1950 г. в Моравии было исследовано несколько объектов с памятниками культуры колоколообразных чаш³. В местечке Богдалицах исследованы четыре могилы с труположением. В могилах найдены чаши с узорчатым украшением, кувшины, миски с костями животных. В одном из погребений на скелете было найдено ожерелье из костяных палочек с нарезками, в другом — ожерелье из костяных пуговиц; в этой же могиле находилось бронзовое шильце и кремневое орудие, здесь же обнаружены остатки обугленных бревен, очевидно составлявших конструкцию склепа. В Дольних Суходолах были открыты три захоронения с керамикой. В Лъганице на площади 2500 м² было раскопано 11 могил, из них две с трупосожжением, остальные с труположением. В могилах с труположением в двух случаях покойник находился в сидячем положении, в семи могилах скелеты лежали в скорченном положении на правом боку, лицом к востоку. Направление лица на восток можно считать установившимся обычаем для народа этой культуры, так же как и наличие костей животных (главным образом овцы) в погребальных дарах. Могилы с трупосожжением по своим находкам ничем не отличаются от могил с труположением. Кроме многочисленной керамики, в могилах были найдены: бронзовый кинжал с черенком, бронзовое шило, янтарные бусы и две костяные дощечки, носимые на запястье левой руки, предохраняющие ее от обратного удара тетивы лука. Находки бронзовых кинжалов свидетельствуют о сношениях с восточным Средиземноморьем. Позже они становятся обычным явлением в находках унетицкой культуры.

Кроме погребений, раскопками 1950 г. были обнаружены жилища, находки которых до сих пор были большой редкостью. Недалеко от Зноймо в Моравии, на раскопанном ранее поселении с расписной керамикой, были обнаружены остатки жилищ культуры колоколообразных чаш в виде хат со следами столбов и ям для отбросов, расположенных довольно правильными рядами. Внутри их найдено большое количество черепков, каменные орудия, пряслица. Один реставрированный из этой керамики

¹ См. B. Soudský и M. Buchvaldek, ARoz, 1950, № 3—4, стр. 208—212.

² З. Неедлы, История чешского народа, стр. 66; J. Filip, Pravěk Československo, стр. 171—174.

³ См. L. Hájek, ARoz, 1951, № 1, стр. 27—30.

кувшин своим бахромчатым узором напоминает украшения унетицких сосудов. Это лишний раз свидетельствует о сосуществовании и взаимовлиянии культуры колоколообразных чаш с другими местными культурами.

Культура бронзового века представлена в Чехии так называемой унетицкой культурой (по имени села Унетице, недалеко от Праги, где было найдено обширное кладбище и поселение с памятниками этой культуры). Она распространилась также и в других местностях Чехии, в Моравии и в западной Словакии, сливаясь здесь с другими местными культурами¹.

Раскопками 1948—1949 гг. на окраине гор. Брно было открыто одно из обширных поселений унетицкой культуры в Моравии². В соседстве с унетицким поселением находилось поселение народа курганов. Всего было исследовано одно погребение и 31 культурная яма; из них большая часть принадлежала унетицкой культуре. Содержания ям составляли многочисленные черепки унетицкой керамики, каменные и костяные орудия (топорик с выпуклыми сторонами, роговой скребок, пилочка, стрелы, шилья, иглы), глиняные гири, бронзовые украшения. В одной из ям, особенно богатой находками, были найдены также куски глиняной обмазки с отпечатками бревен, прутьев камыша и листьев. Интересны обнаруженные в трех ямах парные погребения (в двух по двое взрослых, в третьей — взрослого и ребенка). Скелеты лежали в скорченном положении, один над другим. Погребальные дары зафиксированы только при одном из погребений. Эти находки подтверждают наличие унетицких погребений в культурных ямах. Единственная унетицкая могила, обнаруженная этими раскопками, содержала скелет женщины, ориентированный головой к юго-востоку, с бронзовыми украшениями у висков из свернутой спиралью двойной проволоки. Исследование унетицкого и курганного поселений (оно было исследовано раньше) не дало никаких доказательств о их связи и взаимовлиянии.

В западной Словакии, одновременно с развитием унетицкой культуры в Чехии, возникает мадяровская культура, названная по находкам около Мадьяровца. Мадьяровская культура развилась на основе энеолитической культуры земледельческих и пастушеских племен, так называемой «керамики с канелюрами». В 1949 г. было исследовано одно из мадяровских поселений, находящееся в Веселом около Пиештян³. Мадьяровский культурный слой здесь перекрывает, очевидно, поселение с канелированной керамикой. В свою очередь, мадяровское поселение сменялось поселением с среднедунайской культурой так называемого «народа курганов». Главными объектами, подлежащими исследованию, были культурные ямы, число которых достигало нескольких сот. Форма большинства ям коническая, глубина 3—4 м. Содержание ям было очень богатым: кости животных, раковины, обуглившееся зерно, костяные и, реже, каменные орудия, куски форм для отливки меди и бронзы, бронзовые предметы, большое количество обмазки, несколько отдельно лежащих человеческих черепов или их частей. Во всех находках преобладала керамика, как в черепках, так и целыми сосудами, лежавшая иногда компактным слоем. Находки в культурном слое соответствуют находкам в ямах. И там и здесь встречаются завалы правильных блоков со следами угольков и обмазки, в которых можно видеть упавшие стены домов. Следы поселения «народа курганов» являются тоже культурные ямы меньших размеров — глубина их немного более метра. Они также содержат большое количество керамики. Отличительной чертой поселений в Веселом у Пиештян является мощность культурного слоя. По мнению А. Кнора, это объясняется тем, что поселение было одним из центров массового производства керамики, а возможно, и металлических изделий.

Мадьяровская культура оказала влияние на развитие унетицкой культуры в Моравии, где возникает местная, ветержовская культура. Одно из поселений ветержовского типа, Градиско у Кромержижа, было исследовано в 1951—1952 гг.⁴ Поселение

¹ З. Неедлы, ук. соч., стр. 73; J. Filip, ук. соч., стр. 171—174.

² См. K. Tihelka, V. Hank, ARoz, 1949, № 4, стр. 167—169.

³ См. A. Knor, ARoz, 1950, № 1—2, стр. 56—60.

⁴ См. V. Spruný, ARoz, 1952, № 3—4, стр. 250—255.

это расположено на террасовидной возвышенности, недалеко от слияния рек Ганы и Моравы. С южной и западной стороны городище окружено валом на протяжении 700 м. На северной и северо-восточной стороне находятся крутые склоны к старому руслу реки Ганы, служившие, очевидно, естественным укреплением. Раскопки преследовали цель установить конструкцию укреплений. Исследование обнаружило сложную стратиграфию слоев. Перед валом был вырыт ров шириной 8 м, земля из которого была использована на насыпь вала. Ширина вала внизу достигала 6,5 м, высота от дна рва — 5 м, над поверхностью он выдавался на 2 м. Задняя стена вала подпиралась толстыми бревнами. Под насыпью вала был обнаружен культурный слой и погребение с трупоположением; у ног скелета найден типичный ветержовский сосуд. Это свидетельствует о том, что укрепление было создано уже во время существования поселения. Так как ничем не укрепленный с лицевой стороны вал осыпался в ров, через некоторое время он был оправлен, высота его была поднята до 3,5 м над поверхностью, на вершине была устроена какая-то каменная конструкция, очевидно стена сухой кладки, задняя стена укреплена новыми бревнами. Во второй период существования укрепления на поселении произошли какие-то события, следы которых в виде разбросанных людских скелетов находятся между камнями, обрушенными с вала. Всего было раскопано 11 скелетов, принадлежавших молодым индивидуумам. Их датирует найденная здесь же керамика позднего ветержовского периода. Очевидно, после этого события укрепления городища были вторично оправлены, ров расширен до 26 м, толщина вала в основании достигла 9 м, высота 6 м, на его вершине устроена палисада из толстых дубовых бревен, за ними каменная стена сухой кладки, подобная прежней. Для датировки и установления продолжительности существования поселения большое значение имели изыскания на площади самого городища. Наряду с типичной ветержовской керамикой, найденной в мощном слое непосредственно за валом, под ним и в некоторых ямах внутри городища, большая часть керамических находок на площади поселения принадлежит к поздней ветержовской фазе; некоторые формы ее очень близки керамике культуры «народа курганов». При раскопках 1952 г. были найдены также и чистые формы курганной культуры — погребение отдельного человеческого черепа, окруженного сосудами курганной керамики. Верхней границей существования городища является приход племен лужицкой культуры, кладбище которых тесно примыкает к валу. На площади городища найдены также следы других культур — расписной моравской керамики эпохи неолита, культуры народа колоколообразных чаш, ямы с гальштатской культурой и гальштатско-латенской. Результаты исследования позволяют сделать вывод о продолжительном существовании городища, поэтому оно является важным объектом для изучения развития ветержовской культуры и ее взаимоотношений с культурами «народа курганов» и лужицкой. Дальнейшие исследования должны принести новые данные о развитии северной и средней Моравии в эпоху поздней бронзы.

К памятникам бронзовой эпохи на территории Чехословакии относятся также многочисленные «клады» бронзовых вещей, находимые в различных частях страны. Клады эти представляли собой, очевидно, запасы сырья, склады готовых изделий ремесленников. Они свидетельствуют о массовом производстве металлических предметов и развитых торговых связях. В 1948—1951 гг. были найдены такого рода клады на Шумаवे, в окрестностях Микулова в Моравии¹, в местечке Ождяны в южн. Словакии².

Южная и Западная Чехия были областью расселения «народа курганов», где до сих пор сохранились памятники его культуры. В 1948 и 1949 гг. около гор. Пльзень было исследовано несколько курганов³. Наибольший из них, обложенный каменным венцом, имел диаметр 24 м, высоту 170 см. В двух курганах погребения были с трупоположением, в остальных с трупосожжением. До сих пор памятники культуры народа курганов были известны главным образом из погребений. Поэтому большой интерес пред-

¹ См. J. R i h o v s k ý, ARoz, 1950, № 3—4, стр. 217—221.

² См. J. R u d l a č e k, ARoz, 1952, № 1, стр. 28—30.

³ См. J. K a b a t, ARoz, 1949, № 3, стр. 126—129.

ставляет исследование мест поселений этого народа. В 1949 г. в южной Чехии, в районе Воднян, была обнаружена жилищная яма диаметром 160 см, глубиной 56 см, в которой найдена керамика культуры народа курганов¹. В 1951—1952 гг. при исследовании славянского городища в Притлуках были обнаружены следы поселения «народа курганов». Раскопки на возвышенности над рекой Дыей позволяют установить, что здесь находилось большое жилище, расчлененное внутри. Отдельные груды известковых камней, треснувших от жара, очевидно, являются остатками очагов. Недалеко от одного из очагов было найдено 13 бронзовых предметов: шесть браслетов, две булавки, два кинжала, два серпа, топорик. По типу бронзовых предметов и керамики это поселение датируется началом развития культуры курганов в Чехии. Одна из проблем, вытекающих из проведенных исследований,— это вопрос о социальной структуре «народа курганов». Некоторые находки свидетельствуют о том, что часть обширного поселения была укреплена отдельным палисадом и рвом. Именно на этом месте сосредоточены богатые находки керамики и бронзы. Дальнейшие исследования подобных поселений должны будут установить их точную датировку, а также осветить вопрос о роли «народа курганов» в создании последующих этнических групп средней Европы.

В 1948 г. в Опаве на Катержинках (Слезско) было произведено частичное исследование могильника культуры полей погребений². Всего было открыто 86 могил. Могилы большей частью находились на расстоянии около 5 м одна от другой, в некоторых местах группами на расстоянии одного метра, иногда в неправильных рядах. Могильные ямы очень неглубоки (40—85 см), форму их трудно определить. В большей части погребений кости были уложены в урны. Керамика, найденная в могилах, позволяет проследить развитие от более древних форм сосудов с выпуклостями, обрисованными подковообразными врытинами, до более поздних, в виде мискообразных чашечек с внутренним врытым звездообразным узором. Оповский могильник, повидимому, принадлежал поселению, находящемуся от него на расстоянии 700 м. Исследователи предполагают, что кладбище содержит несколько сот могил и является одним из звеньев в общей цепи полей погребений в области Опавы. Другое кладбище культуры полей погребений было открыто и исследовано у Звиротиц, район Седльчаны в Пражской области³. Раскопками было открыто место сжигания трупов, девять погребений и осколки керамики. Характерной чертой звиротицкой керамики является слабый обжиг. Интересной находкой была бронзовая застежка петлеобразной формы, лежавшая на дне миски на обожженных костях, которые, в отличие от костей в других могилах, не были смешаны с пеплом и угольками. Застежки этого типа известны из археологических находок в средней и западной Венгрии, где они, очевидно, возникли, а затем распространились путем торговых связей далее на запад. Подобные фибулы датируются третьим периодом бронзового века, т. е. 1200—1000 гг. до н. э. Звиротицкую фибулу исследователи относят к раннему периоду гальштатской эпохи. Эта первая фибула такого типа, найденная в Чехии.

Исследователи предполагают, что звиротицкое кладбище связано с исследованным ранее кржепеницким, находящимся от него на расстоянии 800 м. Эти кладбища являются доказательством многочисленности племен кновизской культуры, которые из перенаселенной средней Чехии продвигались к югу.

Большой интерес представляют раскопки на возвышенности Цезавы у Блучины в Моравии⁴, где было открыто два культурных слоя: ветержовского типа и так называемого велатицкого типа, представляющего собой слияние продвинувшегося к югу народа лужицкой культуры с местными моравскими группами. В южной и средней Моравии находится много поселений, принадлежащих к ветержовскому типу (средний

¹ См. В. D u b s k ý, ARoz, 1951, № 4, стр. 304—306.

² См. L. J i s l, ARoz, 1949, № 1—2, стр. 59—60.

³ См. J. K u d r n a ě, ARoz, 1950, № 3—4, стр. 221—224.

⁴ См. K. T i h e l k a, ARoz, 1951, № 2—3, стр. 142—154.

период эпохи бронзы). Это, как уже указывалось выше, местная моравская культура являющаяся продуктом слияния унетичкой и подунайской культур, главным образом мадьярской, проникновение которой на Моравию сопровождалось юго-восточными влияниями, идущими из Эгейской области. Характерным явлением на поселениях ветержовского типа являются погребения с труположением в хозяйственных ямах. Особый интерес представляют находки костяных предметов с искусно выполненным орнаментом, что указывает на эгейское влияние или происхождение. В связи с этим возникает вопрос о значении этих укрепленных поселений — были ли они ремесленными и административными центрами, держащими в повиновении местное унетичкое население, или торговыми станциями, осуществляющими связи между Средиземноморьем и Балтикой, или же они являлись и тем и другим. Ответ на эти вопросы могут дать только систематические раскопки. Эту задачу и преследовали раскопки поселения Цезавы у Блучины. Блучинское поселение является одним из богатейших и обширных поселений ветержовского типа. Оно было окружено ровом шириной более 6 м, глубиной 3 м. Исследованная часть укрепления принадлежала ветержовскому культурному слою и в момент заселения племенами велатицкой группы уже не существовала. Ветержовский культурный слой очень богат находками обломков керамики, костяных и каменных орудий. Один костяной предмет, назначение которого трудно определить, своей формой и украшением из волнистых рельефных линий напоминает предметы из микенских могил и является, очевидно, импортным. Керамика украшена сложным орнаментом, выполненным белой краской. В велатицком культурном слое были найдены бронзовые вещи: долота, обломки браслета, серпа и даже целый клад из 23 бронзовых вещей; местами встречались кучки обугленного проса, пшеницы и гороха. В том же слое раскопками 1948—50—51 гг. было открыто всего около двухсот погребений, все с труположением, преимущественно во рву, заполненном камнями, свалившимися с разрушенного вала. Находки обломков типичной керамики и бронзовых предметов определяют принадлежность погребений к велатицкой группе. Эти находки представляют большой интерес, так как до сих пор для велатицкой культуры были известны лишь погребения с трупосожжением. По положению скелетов д-р Тигелка разделяет погребения на четыре группы. К первой группе принадлежат погребения, связанные с определенным, хотя и не всегда одинаковым ритуалом (костяк скорчен, возле него сосуды и кости животных), большинство из них — детские. Вторая группа погребений производит впечатление просто набросанных мертвых тел, лежащих в беспорядке, иногда одно над другим. В ряде случаев члены тела мертвого были как бы вывернуты, череп раздроблен. Однако и около этих скелетов находились черепки сосудов, украшения из бронзовых браслетов и стеклянных бус, бронзовые стрелы и просверленные кабаньи клыки. Третью группу цезавских погребений составляют нагромождения частей человеческих скелетов и отдельных костей, вместе с которыми находились и кости животных. Среди этих нагромождений костей также были найдены обломки велатицких сосудов, стеклянные и бронзовые предметы. Наконец, четвертую группу погребений на Цезавах составляют отдельно уложенные черепа, иногда детские, без признаков остальных частей скелета. В ряде случаев возле черепа также находились черепки велатицких сосудов.

После осмотра места раскопок на Цезавах комиссией, состоявшей из археологов, антропологов и геологов, было высказано предположение о гибели цезавского поселения в боевой схватке, которая окончилась разрушением городища и массовыми убийствами. Об этом как будто свидетельствуют нагромождения трупов в неестественном положении, большое количество каменных и бронзовых стрел, множество разбитой посуды и костей животных. Однако д-р Тигелка указывает на обстоятельства, противоречащие этому предположению, а именно: отсутствие следов ранений на скелетах, отсутствие другого оружия, кроме стрел (найденные топоры, кинжал и копье являются погребальными дарами), наличие целого ряда обычных погребений, погребальных даров и украшений на трупах. Д-р Тигелка высказывает предположение, что это следы какой-либо эпидемии, может быть чумы, во время которой население было охвачено паникой, мертвые погребались наспех, а вместе с ними, возможно, приносились в жерт-

ву и оставшиеся в живых для умилоствления какого-то грозного божества. В пользу эпидемии говорит также большое количество детских погребений. После происшедшей катастрофы поселение, видимо, опустело, и Цезавы оставались уже незаселенными.

В области южной Словакии, от Кошиц до Братиславы, раскопано большое количество курганов, которые до недавнего времени считались сарматскими. Нередко их диаметр достигает нескольких десятков метров, а высота 5—6 м. Исследования некоторых из них показали, что они относятся к различным историческим периодам. В 1950—1951 гг. был вскрыт один из курганов в Чаке, около Желизевца¹. Диаметр его 52 м, высота более 5 м. В первом этапе исследования была вскрыта камера в центре кургана и погребения с трупосожжением под первоначальной, покрытой курганом, поверхностью. Во втором этапе благодаря открытию богатого (княжеского, как его называли исследователи) погребения была установлена его принадлежность к гальштатской эпохе. Так как в камере в центре кургана отсутствуют следы погребения, Кнор предполагает, что она служила культовым строением. Из восстановленной керамики некоторые формы указывают на связи с лужицкой керамикой. Поскольку это погребение не имеет аналогии в словацких находках, Кнор предполагает, что оно принадлежит представителям местной группы населения, культурно близкой моравской велагичской группе и чешской кновизской. Богатое снабжение могилы металлом, многочисленная керамика, одновременное сжигание нескольких индивидуумов, создание здания для культовых обрядов, служащего одновременно надгробием, — все это говорит о развитом общественном расслоении. Об этом же свидетельствуют размеры самого кургана — 4500 м³. Для переноски такого количества земли необходим был труд множества людей. На юге Словакии, недалеко от Комарно, в 1952 г. было исследовано кладбище с двойным ритуалом погребения². Всего было открыто 40 погребений с трупоположением, 28 с трупосожжением и одна могила коня. Керамический материал в могилах с трупоположением и трупосожжением по своему характеру не различается. Сосуды из могил представляли большей частью не урны, а погребальные дары. При сравнении тех и других погребений замечено, что могилы с трупоположением содержат больший процент железных предметов, нежели бронзовых, тогда как в могилах с трупосожжением наблюдается обратное соотношение. Между бронзовыми предметами привлекают внимание трехгранные, типично скифские стрелы, встречавшиеся до сих пор только в могилах с трупосожжением. Самой замечательной находкой является бронзовое литое украшение в форме перевернутого креста, украшенное растительным орнаментом, использовавшееся как застежка. Это украшение имеет многочисленные аналоги в Харьковской области, в Венгрии, в Ольвии на Буге и в Болгарии. Особого изучения заслуживают железные удила с псалиями, происхождение которых надо искать в южнорусских степях. Д-р Душек датирует этот могильник IV в. до н. э.

Из раскопок населенных объектов гальштатской эпохи необходимо упомянуть об исследовании городища, принадлежащего к кновизской культуре, недалеко от Билины в Чехии. Городище было расположено на скалистом плоскогорье и окружено двойным или даже тройным каменным валом. Ширина внутреннего вала была 3-метровой, камни клалась без всякой деревянной конструкции, форма его, очевидно, была конической, высота около 2 м. Внутренний вал служил основанием для деревянного палисада, о чем свидетельствуют воронкообразные углубления на одинаковых расстояниях по его окружности. Кновизское городище у Билины благодаря своему положению и укреплениям имело неприступный характер и могло служить убежищем. Судя по обилию керамического материала, оно было заселено во все время своего существования. Следы поселений гальштатской эпохи были найдены также в Словакии, в Тлмаче (Левичский район)³.

¹ См. А. К н о р, ARoz, 1952, № 15, стр. 388—395.

² См. сообщение М. Д у š е к в ARoz, 1953, № 2, стр. 153—157.

³ См. J. K u d l a š e k, ARoz, 1953, № 2, стр. 148—153.

Среди новых открытий в области памятников латенской культуры интересны раскопки доселе не исследованных укрепленных кельтских поселений около Невезиц в южной Чехии и около местечка Гразан, ниже по течению Влтавы, в Седльчанском районе. В результате исследования земляного вала, ограждавшего поселение около Невезиц, обнаружены остатки каменной стены толщиной 60 см, облицованной спереди отвесными деревянными брусками в 30 см толщиной, расположенными на расстоянии 90 см один от другого¹. За стеной была глиняная насыпь, скрепленная рядами камней, находящимися на расстоянии 90 см, и деревянными решетками. Задняя стена насыпи состояла из мощных бревен, вокруг которых лежали большие камни. На вершине вала, на всем его протяжении, находились мелкие, большей частью плоские камешки, очевидно, остатки вымостки террасы. Каменная стена опиралась на материковую скалу, которая впереди была стесана в наклонную плоскость, а перед ней вырублен ров. Бруствером рва служила также материковая скала. Конструкция укрепления своей техникой и строительным материалом напоминает кельтский *oppidum*, как он известен из описаний Цезаря и из раскопок других кельтских поселений. Черепки, найденные в каменной осыпи главной стены, явно страдоницкого типа. Сама площадь поселения сильно пострадала от оползня почвы, однако все же удалось заметить следы хаты в нагромождении штукатурки и черепков. Площадь поселения около Гразан составляет 30 га². Раскопки, произведенные на западной окраине поселения, установили три периода в строительстве укрепления: вначале была углублена естественная терраса, затем, после заполнения этого углубления зольным культурным слоем, была поставлена стена из толстых бревен, частью запущенных в желоб, вытесанный в скале. Довольно мощный культурный слой внутри этой ограды свидетельствует о ее продолжительном существовании. Впоследствии этот культурный слой был перекрыт насыпью из щебня, а на расстоянии 2—3 м от первой ограды была поставлена вторая из меньших бревен. Культурный слой, относящийся к последнему периоду, сравнительно слаб. С севера, судя по остаткам обгорелого дерева и земляной насыпи, поселение было защищено стеной из дерева и глины. На восточной стороне были вскрыты остатки стены из крупного камня сухой кладки. На лицевой стороне стены сохранились углубления от четырехгранных столбов, врытых в верхний слой почвы. В осыпи перед кладкой были найдены обломки позднелатенской керамики (I в. до н. э.). Среди находок большое количество пряслиц, несколько бронзовых предметов, из железных вещей найдена часть фибулы, нож, стрелы, топорик с четырехгранной тульей и др. Кости животных принадлежат рогатому скоту, свиньям, встречаются также кости лошади, собаки и охотничьей дичи. На площади верхней части поселений были вскрыты следы жилища. Как на самой территории поселения, так и в районе укреплений на западной стороне обнаружено много шлака и обломки тиглей с бронзовым литьем, что свидетельствует о развитии металлообработки. Поселение у Гразан, так же как и поселение у Невезиц, представляет собой кельтский *oppidum*. Эти два поселения находятся в общей линии, тянущейся от Дуная по Влтаве к северу внутрь страны, и являются, вероятно, пунктами торгового пути.

Словацкий археологический институт организовал исследование нескольких кладбищ латенского периода в Нитранском крае³. Около селения Комиатицы были найдены два нетронутых мужских погребения в полном боевом вооружении. Инвентарь могил содержит типичные памятники кельтской культуры. По характеру керамики и вооружения погребения относятся к II в. до н. э. Позже с Комиатицкого кладбища в музей гор. Мартина были переданы находки из разрушенных могил, которые позволяют отодвинуть дату существования кладбища до конца III в. до н. э. Новой и пока неизвестной в Словакии латенской находкой является бронзовый перстень и бронзовая гривна с печатеобразным окончанием.

¹ См. B. S v o b o d a, ARoz, 1950, №№ 1—2, стр. 64—68.

² См. L. H o r á k o v a - J a n s o v a, ARoz, 1952, № 2, стр. 102—106.

³ См. L. K r a s k o v s k á, ARoz, 1950, №№ 3—4, стр. 184—186.

В 1952 г. было исследовано кладбище в Великой Мане, занимавшее почти 3 га площади¹. Здесь было открыто 18 могил, из них 5 с трупосожжением и 13 с трупоположением. По отделке могилы разделяются: на простые, обычных размеров, две могилы больших размеров, со следами деревянного обложения, и одна могила типа камер с двойным погребением. Кладбище в Великой Мане является выдающимся по своим размерам среди известных в Словакии латенских некрополей и дало несколько новых важных данных для изучения кельтского заселения Словакии. Так как исследована пока только восьмая часть его площади, окончательные выводы могут быть сделаны только после дальнейшего исследования. Из общего числа раскопанных могил 12 могил исследователи считают бесспорно кельтскими. Керамика была различных форм, но замечено, что ни в одной могиле не находились вместе керамика ручной выработки и керамика с гончарного круга.

Необычными погребениями являлись могилы с деревянной обшивкой и могила с деревянной камерой (размер камеры 3×2 м, глубина 2 м, ориентация с юга на север). Камера могилы имела деревянный пол и потолок и стены из досок высотой 50 см. Скелет лежал навзничь, головой к югу. На плечах его были железные застёжки, на руках железные, лигнитовые и бронзовые браслеты, вокруг груди железная цепь. На щиколотки ног надеты бронзовые круги из четырех дурых полушарий, соединенных шарнирами, на внешней стороне лодыжек кругов сохранились остатки ткани. Около головы найдена маленькая бронзовая застёжка. Вдоль стены стояло пять сосудов — две большие амфоры, одна ваза поменьше, миска, а в углу бочкообразный сосуд с вертикальными желобками, стяннутый у горлышка железным обручем. У ног скелета было большое количество костей животных. Над этим скелетом, на высоте 85—90 см, в насыпи лежал другой скелет, обращенный спиной кверху. Взаимоотношение этих двух скелетов пока не удалось установить. В могилах с деревянной обшивкой найдены железная цепочка, бронзовые и лигнитовые браслеты, застёжки. Кроме того, в одной из могил найдены бронзовые перстни, железный нож, конический железный предмет неизвестного назначения, два листовидных копья; на скелете заметны следы ткани. В остатках истлевшего дерева найден железный гвоздь. Бронзовые и железные застёжки в большинстве своем старолатенской конструкции, некоторые среднелатенской. На основании находок исследователи датируют кладбище III—I вв. до н. э.

Большой интерес представляют открытые Словацким археологическим институтом на кладбищах в Горнем Ятове, Трновце и Голиаре Нитранского края погребения с трупоположением или трупосожжением в глубоких могилах с круговым или четырехсторонним рвом вокруг могилы². Этот способ погребения на различных кладбищах кажется какой-то нормой для определенного слоя людей. Могильный инвентарь небогат, но общая организация похорон, по мнению проф. Филипа, свидетельствует об общественном значении погребенных. Поскольку таким способом хоронились и женщины, можно говорить об определенном высшем слое в кельтском обществе.

К отдельным находкам, характеризующим ремесленное производство в латенскую эпоху, можно отнести находку в одной из хозяйственных ям в Краловицах³ большого количества листового лигнита (для выработки лигнитовых браслетов) и многочисленных обломков, позволяющих проследить весь процесс производства от необработанных кусков через полуфабрикаты к готовым изделиям. В другой культурной яме около Св. Яна под Скалой, район Бероуна, найдены три миниатюрных сосуда латенского характера и, кроме того, железный резец или струг с ручками — инструмент бочара для обстругивания внутренних стен бочек. Обе эти находки относятся к концу латенской эпохи (около I в. н. э.).

Не совсем ясную, но, очевидно, какую-то хозяйственную роль играли открытые в 1949—1950 гг. на строительстве жилых домов в Праге две печи латенской эпохи⁴.

¹ См. сообщение В. Benadik в ARoz, 1953, № 2, стр. 157—167.

² См. J. Filip, ARoz, 1953, № 2, стр. 227—233.

³ См. о н же, ARoz, 1950, №№ 3—4, стр. 199.

⁴ См. В. Novotny, ARoz, 1952, №№ 3—4, стр. 275.

Они представляют собой цилиндрические ямы глубиной 145 см, шириной 80 см, с котловидным дном. Стены и дно, лишенные какой-либо обмазки и кладки, состояли из каменисто-песчаного слоя почвы и на глубине 5—8 см были обожжены докрасна. На дне находился пепельный слой темного цвета с мелкими древесными угольками толщиной 25—30 см, поверх его лежали куски темнокрасной или серой обмазки из глины, смешанной с мякиной, происходившие, очевидно, из какой-то соседней конструкции.

За последние годы было также сделано много интересных находок, относящихся к периоду римского владычества. В мае 1948 г. на строительстве жилого дома в Праге было обнаружено богатое погребение¹, которое датируется первой половиной I в. н. э. Важную часть находки составляют четыре бронзовых сосуда, происходящие из мастерских Капуи, что свидетельствует о широких торговых связях того времени. Найденный здесь же глиняный сосуд в форме вазы носит следы предыдущей латенской эпохи. Формы всех этих сосудов встречались в чешских находках ранее, однако такое собрание, какое представляет собой пражское погребение, редкое явление в «варварских» землях. Находка металлических сосудов кампанской выработки является доказательством зажиточности определенных слоев местного населения и развитых торговых связей. Замечено, что сосуды подобного типа и вообще богатые украшения находятся главным образом в погребениях с труположением, хотя преобладающим ритуалом погребений в то время было трупосожжение.

В 1950 г. в Моравии, недалеко от Микулова, был раскопан некрополь римской эпохи². Всего было вскрыто 26 могил с труположением и 8 с трупосожжением. Из инвентаря могил со скелетами важными для датировки находками являются бронзовые литые шпоры мотыльковой формы, фибулы и две серебряные монеты (Веспасиана и Траяна). На основании этих находок могилы с труположением датируются I—II вв. н. э. Могилы с трупосожжением датируются исследователем Ржиговским более поздним временем на основании фибул северо-восточного типа и железных фибул, украшенных серебром и филигранью. Областью распространения таких фибул были земли по нижнему течению Одера и Вислы. Этот некрополь снова поднимает вопрос о соотношении погребений с труположением и трупосожжением. Если в могилах со скелетами преобладают предметы из римских придунайских провинций и наблюдаются только единичные следы влияния северо-восточных областей Нижней Вислы, то в могилах с трупосожжением вещи, имеющие северо-восточное происхождение, встречаются значительно чаще. Учитывая это обстоятельство, Ржиговский ставит вопрос о различной этнической принадлежности погребенных: ими могли быть остатки кельтов или местного населения, освоившего способ погребения труположением. Изменение погребального ритуала и культового инвентаря, возможно, свидетельствует об изменении этнического состава населения. Однако сложный вопрос этнического состава населения этих районов в римскую эпоху можно будет разрешить только после систематического исследования многих погребений.

В 1949 г. недалеко от Микулова, в окрестностях Мушовской римской станции, был найден небольшой фрагмент *terra sigillata*³. Фрагмент представляет собой дно сосуда с низкой ножкой, диаметром примерно в 42 мм. Марка мастера находится на верхней стороне доньшка и состоит из продолговатого, закругленно оканчивающегося картуша длиной 25 мм. Текст легенды *Regini M* (*Regini manu*). Подобные формы с сокращением *M* или *MA* известны со времени Нерона до Антонина Пия. Основанием для датировки найденного фрагмента служит имя восточногалльского мастера-гончара Регина, работавшего в начале II в. н. э. Хотя изделия этого мастера с его маркирами встречались уже раньше, однако описанная выше керамическая форма до сих пор не была известна.

В 1950 г. пробными раскопками было открыто римско-провинциальное поселение

¹ См. о н ж е, ARoz, 1949, №№ 1—2, стр. 52—54.

² См. J. Řihovský, ARoz, 1951, № 1 стр. 37—40.

³ См. R. M. Pernička, ARoz, 1951, № 1, стр. 62—63.

II—III вв. н. э. в Чаке, район Желiezовца в Словакии¹. Поселение было расположено на склоне холма над слиянием двух рек и занимало площадь около 100 га. Возле мелких, неправильной формы жилищных ям, сопровождающихся круглыми ямками с многочисленными жилыми остатками — керамикой, угольками, костями животных, черепицей и т. п., находятся глубокие мешковидные ямы для запасов. Равномерно обожженные вымостки и поды печей являются, вероятно, остатками гончарных печей. Многочисленные находки изделий, представляющих собой римский импорт, особенно керамики, искусно сделанной на гончарном кругу, указывают на живые торговые связи с Паннонией. Кроме местных изделий, которые являются отзвуком старой латенской традиции, найдены многочисленные гончарные изделия, сделанные без гончарного круга, с типичной квадской техникой и орнаментом. Черные полированные миски и подобные им сосуды напоминают гальштатскую технику. Римско-провинциальное поселение в Чаке существовало два столетия; по своим размерам оно является одним из обширных в Словакии и требует дальнейшего исследования.

В 1950 г. возобновились производившиеся в течение многих лет раскопки на Девине², этом издавна населенном пункте, выгодно расположенном на слиянии Моравы и Дуная, где перекрещивались древнейшие торговые пути, соединявшие Восток с Западом и Прибалтику с Адриатикой. Заложенный в северо-восточной части девинского холма раскоп дал необычайно разнородный материал. Среди множества черепков, главным образом латенской керамики, нашлась одна позднелатенская фибула, две римские монеты эпохи Августа и черепица с надписью FIG SA, которую исследователи читают как *Figlinae savarienses*. Находка этой черепицы является первым доказательством импорта паннонских изделий, тогда как ранее находимые на Девине черепицы происходили главным образом из Карнунта.

Следует упомянуть также несколько интересных находок, относящихся к так называемой «эпохе переселения народов». В 1948 г. были проведены раскопки на холме Журань, недалеко от Брно³, где обнаружены остатки стен сухой кладки из песчаника и известняка, очевидно следы большой каменной постройки. Характер этой постройки трудно определить; возможно, она имела культовое значение. Немного западнее от центра холма найдена могила четырехугольной формы, размером 6,5×5,5 м, выдолбленная в скале до глубины 3,8 м. На верхнем краю могилы обнаружены следы толстых бревен, принадлежавших к деревянной надстройке, и следы брусьев, поддерживавших потолок. Могила была ограблена вскоре после погребения. В насыпи находились отдельные человеческие кости и их обломки, обломки стеклянных и глиняных сосудов, золотые нити, обломки предметов из слоновой кости (резная фигурка бородатого мужчины, несущего в левой руке крест, две очень выразительные головки и обломок фигуры в одежде), обломки стекла оливково-зеленого и темносинего цвета; на одном из них заметен сетчатый орнамент⁴. Золотые нити были, очевидно, втканы в платье. Предметы из слоновой кости, вероятно, украшали сосуд типа пиксиды. Трактовка одежды и резба на фигурках из слоновой кости явно носят античный, эллинистический характер. Подобные мотивы встречаются на бронзовых кованых предметах в эпоху переселения народов в Карпатской котловине. Все эти данные позволяют датировать вторую могилу концом V в. н. э. Значительные размеры гробницы, наличие богатых импортных вещей наводят исследователей на мысль о том, что она служила усыпальницей неизвестной княжеской, а может быть, и королевской династии эпохи падения Римской империи.

Летом 1953 г. в Моравии, в Жидлоховицком районе, на холме Цезавы, группа археологов под руководством директора Моравского музея в Брно д-ра Тигелки от-

¹ См. A. Tošik, ARoz, 1951, №№ 2—3, стр. 158—160.

² См. J. Dekan, ARoz, 1951, №№ 2—3, стр. 164—168.

³ См. J. Poulik, ARoz, 1949, №№ 1—2, стр. 10—15.

⁴ Подобный способ украшения встречается на керамике позднего римского времени, главным образом в Карпатской котловине, а отдельные сосуды попадаются в V в. н. э. и на территории Чехословакии.

крыла богатое погребение, датируемое V в. н. э.¹ В могиле глубиной 1,5 м был похоронен мужчина в возрасте около 40 лет. На правой руке погребенного был золотой браслет, весом 230 г. Рядом с телом лежал железный меч, длиной 80 см, рукоять которого окована золотым листом и заканчивается агатовым наконечником с серебряной головкой. Меч, очевидно, висел на кожаном поясе, украшенном массивными пряжками из позолоченного серебра и мелкими серебряными бляшками. Для определения времени и этнической принадлежности погребения большое значение имеет другой найденный там же меч меньших размеров, типа «сакс», рукоятка которого украшена 13 алмандиновыми бусинками и красиво вычеканенной застежкой, а также типичные для того времени стеклянные кубки и лук с 14 железными наконечниками стрел. Обувь покойника была украшена золотыми пряжками с эмалью. Все вещи хорошо сохранились, золотые предметы весят в общей сложности 400 г. Исследование на Цезаве продолжается с целью уточнения датировки погребения.

В 1949 г. в Сокольниках около Брно был проведен раскоп некрополя эпохи переселения народов². Всего было раскопано восемь могил. Глубина могил 100—175 см; хорошо сохранившиеся скелеты лежали на спине в вытянутом положении. Около скелетов были найдены железные пряжки, ножи, костяные гребни, прясла и две фибулы; одна из них бронзовая. Тип этих фибул черноморского происхождения, где он возник на подзенолатенской основе. Однако их распространение, по мнению чешского ученого Б. Свободы, не связано с продвижением готов, как думали раньше, а указывает на торговую и культурную ориентацию тогдашнего времени. Абсолютным хронологическим мерилom может быть вторая фибула — серебряная, со следами бывшей позолоты. Прототипом этих фибул являются южнорусские формы позднеримских фибул. Именно из этого типа развились фибулы с тремя пуговками на головке, к которым относится найденная в Сокольниках. Датируются эти фибулы V в. н. э.

В Чехии около Чешского Брода при строительстве шоссе от Ключова до Поржичан был обнаружен, а затем исследован могильник эпохи переселения народов, который исследователь д-р Кудрнач считает принадлежащим одному из германских племен и датирует VI в. н. э.³ Всего исследовано 18 могил, все они были разграблены. Недалеко от могил был выкопан небольшой мискообразный сосуд, внутри которого находились обожженные кости, по определению антропологов — детские. Это погребение трупосожжением является необычным для данной культуры. Интересной находкой является один искусственно деформированный череп из разрушенного женского погребения. Это четвертый по счету деформированный череп, найденный в Чехии в данной культуре. Деформация достигалась стягиванием бинтом, в результате чего происходило удлинение головы. На основании значительного количества оружия на ключовском некрополе И. Кудрнач делает вывод, что отношения между обитателями Ключова и их соседями, которым принадлежало современное той эпохе славянское кладбище с керамикой так называемого «пражского» типа, были довольно напряженными. Необходимо отметить, что тенденция некоторых чешских археологов рассматривать все могильники с трупоположением, в которых встречается много оружия, вещи полихромного и звериного стилей северночерноморского происхождения и погребения с деформированными черепами, как готские кладбища, — не выдерживает строгой научной критики, так как могильники аналогичного типа на Северном Кавказе, в Крыму и в Прикарпатье принадлежали сармато-аланскому населению (Суук-Су, Артек, Эски-Кермен и др.) и не имеют никакого отношения к германцам-готам. Вопрос об этнической принадлежности этих могильников нуждается в дальнейшей, более тщательной разработке.

З. А. Мишина

¹ См. «Руде право» от 6 марта 1953 г.

² См. сообщение J. Řihovský в ARoz, 1951, №№ 2—3, стр. 177—178.

³ См. J. Kudrnač, ARoz, 1952, № 2, стр. 109—112.